

УДК 008

Влияние традиций на политическую культуру КНР

Ван Цзехань

Аспирант,
кафедра региональных исследований,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, ул. Ленинские горы, 1/13;
e-mail: wjie8160@gmail.com

Аннотация

Статья исследует влияние культурных и философских основ китайской цивилизации на формирование ее политической структуры и внутренних ценностей. Рассматривается уникальный подход к политике в китайской культуре, с акцентом на ее моральных аспектах и приоритетах коллективного благополучия перед индивидуальными интересами. Обсуждается историческое развитие идеи политического управления в Китае, начиная с легализма и конфуцианства, и заканчивая современными тенденциями. Особое внимание уделяется концепции "Центрального королевства" и ее влиянию на китайскую самоидентификацию и международную политику. Рассматривается также социальная стратификация и духовные ценности, определяющие китайский национальный этос, такие как дисциплина, трудолюбие и гармония. В статье анализируется эволюция китайской политической культуры и ее влияние на современное общество и международные отношения.

Для цитирования в научных исследованиях

Ван Цзехань. Влияние традиций на политическую культуру КНР // Культура и цивилизация. 2024. Том 14. № 4А. С. 286-294.

Ключевые слова

Китайская народная республика, власть, традиционная культура, политическая культура.

Введение

Исследование культуры и истории Китая является постоянно актуальной тенденцией для многих социальных и гуманитарных наук. Обилие экономических [Zhang, 2023], [Альчиханова, 2015], [Пшеничникова, 2023], исторических [Ефименко, 2023], [Шульга, 2018] и культурологических исследований [Кудрявцева, 2016], [Bondarenko, 2021], [Yu, 2022], [Хуэйцин, 2014] говорит о недостаточной исследованности темы и большом количестве нераскрытых вопросов в этой области.

Стимул к углублению в исторические основы и современные проявления китайской культуры, относимой к политической, обусловлен ее ключевой ролью в национальной политической системе. Политическая культура включает в себя устойчивые политические убеждения, модели поведения и активность участия людей, вовлеченных в социально-политическую среду. В среде восточных цивилизаций политическая культура берет на себя важнейшую функцию управления механизмами политической системы и формирования контуров социально-экономического и экономического прогресса. Следовательно, исследование традиций и современных адаптаций китайской культуры, относимой к политической, необходимо для более глубокого понимания и выявления влиятельных парадигм, которые сформировали траекторию развития Китая.

В гобелене традиционной политической архитектуры Китая моральные принципы являются неотъемлемой частью оркестровки симфонии человеческих взаимодействий. Эти этические заповеди служат основой, на которой воздвигаются здания политических и правовых институтов. Древняя китайская цивилизация придавала первостепенное значение этосу «вежливости» — многогранной концепции, включающей в себя этику, социальную грацию, церемониальные практики, приличное поведение и моральные ориентиры, которая на протяжении тысячелетий была причудливо вплетена в ткань китайского общества. Глубина и значимость этого понятия таковы, что оно ускользает от заключения в единый лексический эквивалент в русском языке [Цзиньтао, 2018, 241].

Основная часть

Генезис понятия «обряд» приписывают почтенному китайскому мудрецу и философу Конфуцию (около 551–479 гг. до н.э.). Доктрины, поддерживаемые Конфуцием, оказали преобразующее влияние не только в пределах Китая, но и на более широком пространстве Восточной Азии, заложив краеугольный камень конфуцианского философского здания. Эта философская конструкция основана на типичных добродетелях справедливости, сыновней преданности, пронизательности, сострадания и честности. В основе этой философской системы лежит принцип приличия, который служит ориентиром для интерпретации и следования остальным добродетелям.

Принцип честности в номенклатуре подчеркивает необходимость того, чтобы каждый человек воплощал и поддерживал назначенную ему социальную роль и звание. Эта заповедь разъясняется в «Книге обрядов», утверждающей, что суверены обязаны осуществлять свое управление, чиновники обязаны выполнять свои административные функции, на отцов возлагаются отцовские обязанности, а отпрыски должны выполнять свои сыновние обязанности [Сюй, 2016, 237].

Почтенные концепции сыновнего почтения и родительского уважения, экстраполированные из семейной сферы на социальное пространство, заключены в доктрине «сыновней

почтительности». Эта доктрина гласит: «Те, кто почитает своих прародителей, не склонны выступать против них; те, кто дорожит своими предками, не желают противоречить им; те, кто уважает своих старших, не склонны к конфронтации».

Понятие «предвидение» означает способность предвидеть последствия своих действий, заглядывать за временной горизонт, проявлять разум и проявлять благоразумие. Сказано: «Даже самая искусная клевета и пылкие обиды не достигают намеченной цели, что является свидетельством глубины созерцания».

Конфуцианская парадигма гуманизма находит свое выражение в идеале «благожелательности». Этот идеал выступает за выполнение своих обязанностей не из личных интересов, а ради коллективного процветания общества.

Понятие «Ли» описывает общественное поведение, подходящее человеку с благородным характером, включая формальные обряды, священные ритуалы и этические кодексы. В нем сформулировано: «Если управление осуществляется с помощью законных средств, а общественный порядок поддерживается карательными мерами, тогда население избегает наказаний; если, однако, население направляется путем добродетели, а общественная гармония поддерживается путем приверженности к надлежащему кодексу поведения, тогда сообщество культивирует чувство стыда, и, таким образом, общество поднимается на более высокий уровень бытия».

В запуганном узоре конфуцианской философии сложная паутина социальных отношений фундаментально основана на вековых соглашениях, регулирующих взаимодействие между старшими и младшими членами общества. Этические заповеди и церемониальные практики, поддерживаемые конфуцианством, оказали неизгладимое влияние на политическую культуру китайского общества на протяжении всей его истории, формируя тем самым моральные ориентиры и социальное поведение поколений.

По своей сути эти конфуцианские ритуалы отличаются от сфер права и политики, причем основное расхождение лежит в сфере ответственности; хотя нарушения моральных норм не могут влечь за собой формальных санкций, они неизменно нарушают хрупкое равновесие социальной гармонии. Тем не менее, именно тщательное соблюдение ритуалов и закона создает симбиотические отношения между ними, при этом моральные нормы органически возникают из ткани социальной эволюции, в отличие от законов, которые санкционируются государственным аппаратом.

На протяжении различных этапов китайской истории отношение общества к ритуалам подвергалось трансформации. В эпоху зарождения династии Чжоу (XI–III вв. до н. э.) ритуалам отводилась первостепенная роль, очерчивающая сложную систему взаимоотношений внутри и между кланами, систематизирующая протоколы взаимодействия с гостями и теми, кого считали «иностранными» [Анохина, 2009, 48–58].

Зенит легизма был олицетворен революционными доктринами Шан Яна (390–338 до н. э.), провозглашенного прародителем легизма. Он был непоколебим в своем убеждении, что закон представляет собой единственный законный и эффективный инструмент управления обществом, заключенный в максиме: «Наказание порождает власть, власть порождает торжественность, торжественность порождает уважение, а уважение порождает авторитет», тем самым выступая за модель управления, основанную на строгом наказании и минимальном вознаграждении [Wang, 12].

В IV веке до нашей эры государство Цинь приняло легизм; эта философия сыграла важную роль в восшествии первого китайского императора Цинь Шихуанди (259 г. до н.э. — 210 г. до н.э.) и в создании первой централизованной империи Китая. Законничество затмило

конфуцианство, которое до сих пор пользовалось значительным влиянием и господствовало в качестве преобладающей официальной идеологии по всему Китаю. Тем не менее, к концу третьего века до нашей эры империя Цинь стала свидетелем упадка легализма, открыв путь для возрождения конфуцианства. Несмотря на эти приливы и отливы, концепция единой политической и правовой системы укоренилась и продолжала процветать в Китае.

«Ритуальные записи» представляют собой краеугольный текст китайского канона, олицетворяющий типичный конфуцианский архетип социальных механизмов — от зарождения политического управления до норм, регулирующих семейные взаимодействия, основополагающую социальную единицу и ритуалы, лежащие в основе контекста жизни; «Ритуальные записи» служат основой этого механизма.

«Ритуальные записи» были тщательно созданы для назидания всего китайского населения и изложены на просторечии, одновременно ясном и доступном. Черпая вдохновение из предшествующих работ, он воплощает идеал Конфуция, который заявлял, что «передает, а не вводит новшества», тем самым увековечивая прозорливость своих предков. Он функционирует как дидактическое руководство, описывающее правильное поведение, наполненное исчерпывающим анализом «образцов», взятых из повседневных сценариев, встречающихся в повседневной жизни. Таким образом, создатели «Ритуальных записей» стремились создать всеобъемлющую систему принципов и норм поведения для конкретных контекстов, основанную на знаниях, завещанных древними.

На протяжении тысячелетий этические доктрины и ритуалы, основанные на конфуцианском учении, составляли неотъемлемую часть китайского общества, принимая на себя двойную мантию официального и неофициального государственного вероучения. Хотя даосизм и буддизм, возможно, и не достигли статуса идеологической основы китайского общества и управления в тандеме с конфуцианством, именно конфуцианство взяло на себя эту ключевую роль с выраженным акцентом на этические нормы и ритуалы.

В великой схеме китайской политической мысли роль суверена имеет первостепенное значение: монархи считаются божественно избранными для управления земными делами в качестве отцовских фигур по отношению к своим подданным. Несмотря на свой огромный авторитет, эти правители связаны императивом избегать деспотизма, вместо этого поддерживая и почитая литературные каноны древности — принцип, глубоко укоренившийся в конфуцианской доктрине [Кычанов, 1988]. Конфуцианская парадигма сравнивает государство с расширенной семейной единицей, где суверен олицетворяет патриархальную номинальную главу, тем самым привнося семейную динамику в социальную ткань и закрепляя связь между государством и его гражданами на моралистических основах.

В научных дискуссиях внутри Китая часто подчеркивается, что сложные кодексы этикета традиционно были прерогативой аристократии, не распространяя свой мандат на простые массы, что ставит под сомнение идею универсальной применимости таких протоколов. Тем не менее, было признано, что представители более высокого социального положения и уровня образования должны были более строго соблюдать эти нормы, причем отклонения не обязательно препятствовали профессиональному продвижению, а скорее отражались на научной утонченности человека.

Характерной чертой классического китайского политического этоса было соблюдение указов, заключенных в «Книге обрядов», считавшейся обязательной для всех, и которая, в первую очередь затрагивая нюансы межличностного поведения, также предлагала важные директивы для структурирования государственного аппарата. и поведенческие ожидания государей и их вассалов. Помощники и провинциальные чиновники, хотя и подчинялись

центральному правителю, сами при этом обладали значительным влиянием, их авторитет подкреплялся принципом иерархии, основанной на родословной.

Этические предписания, изложенные в обрядах, сыграли важную роль в формировании контуров традиционных китайских политических и юридических стандартов. Нарушения этих моральных кодексов не всегда сопровождалось карательными мерами, но вызывали общественное порицание. Подобные нравы были отточены в ходе исторического процесса и получили одобрение государства. Неуклонное соблюдение ритуальных практик прокладывает нить, объединяющую все китайское общество и его структуры управления, подкрепляя само здание его организации.

Исследования китайской цивилизации часто подчеркивают ее самобытность благодаря давней приверженности строгому этическому кодексу и ритуальным рамкам, в которых «этикет» взял на себя ключевую роль, пронизывая все аспекты общественного существования. Эти этические доктрины, основанные на учении Конфуция, заложили основу китайской цивилизации и национального духа, направляя эволюцию китайского государственного устройства на протяжении веков и оставляя неизгладимый отпечаток на современном китайском общественном устройстве.

В философском дискурсе, сформировавшем социальную, политическую и культурную структуру Китая, утверждается, что с западной точки зрения сама суть политики фундаментально отличается от внутренней природы китайской культуры. Китайское государство исторически воспринималось как образование, основанное скорее на моралистических принципах, чем на политических махинациях, при этом политика преимущественно отождествлялась с механикой управления и администрирования [Кычанов, 1988, 47]. Более того, из-за своей географической изоляции Китай на протяжении тысячелетий развивался в относительной оторванности от глобальных влияний, что глубоко сформировало китайское восприятие роли политики. Самоидентификация нации как «Центрального королевства» символизирует ее исторический статус центра политического и экономического превосходства, и это чувство усиливается широким распространением китайских инноваций в различных областях другими цивилизациями, тем самым воспитывая чувство беспрецедентного отличия. — настроение, которое тщательно передавалось из поколения в поколение и остается очевидным во внутренней и международной политике Китайской Народной Республики сегодня [Кобзев, 2006, 738].

Исторически китайцы проводили четкое разграничение между «нашими», своими членами группы и «чужими», часто называемыми «варварами», — дихотомия, которая была определяющей характеристикой этой этнической группы. Несмотря на этот факт, примечательно, что китайская диаспора, — те, кто обосновался за рубежом, в просторечии известные как «заморские китайцы», — упорно поддерживают чувство товарищества со своими соотечественниками, поддерживаемое множеством финансируемых государством инициатив, направленных на помощь этим эмигрантским сообществам.

Более того, азиатская культура и, как следствие, китайская культура характеризуются предпочтением коллективного благополучия над индивидуалистическими стремлениями. С самых ранних этапов жизни китайцы проникнуты чувством коллективизма, учатся расставлять приоритеты в интересах группы в семейной обстановке, оттачивают навыки межличностного общения между сверстниками во время своего образовательного пути и увековечивают эти коллективные ценности в своей профессиональной жизни. Традиционный китайский этос характеризуется отсутствием индивидуалистических устремлений, предпочтением коллективного блага над индивидуальными желаниями, нации над индивидуумом и

поддержкой разнообразного набора социальных ценностей. Эта традиционная система исторически менее способствовала формированию признания личной автономии, прав и свобод [Radcliffe-Brown, 2001, 43].

Как упоминалось ранее, Китай демонстрирует выраженную социальную стратификацию, основанную на иерархической модели «сверху вниз», что резко контрастирует с подходом «снизу вверх», преобладающим в западных обществах. Нация метафорически сравнивается с обширной семейной структурой, где каждый человек должен выполнять назначенную ему роль. Когда каждый член общества выполняет свои обязанности, царит общественная гармония, и общественно-политический аппарат работает с оптимальной эффективностью [Кычанов, 1988, 47].

Дополнительной отличительной чертой китайского национального этоса является коллективное воплощение дисциплины, трудолюбия, терпения и склонности к бережности и бережливости. Эти добродетели составляют духовную основу стремления китайцев к общественному согласию.

По словам Ху Цзиньтао, «гармония является основополагающим принципом современной китайской культуры политических взаимоотношений, причем внешнеполитические директивы и международные политические обязательства Коммунистической партии Китая неразрывно основаны на этом принципе» [Анохина, 2009; 48–58].

Заключение

Основанный на моральных принципах и коллективистских ценностях, китайский политический ландшафт и культурная структура сформировались в течение многих тысячелетий, отражая богатое наследие и уникальный путь этой великой цивилизации.

Изучение китайской политической философии, в частности, выявило, что политика в Китае традиционно рассматривается скорее, как воплощение моральных принципов, нежели как механизм управления. Этот фундаментальный аспект отражает глубокие культурные корни и историческое развитие китайского общества.

Важно также отметить, что китайская культура характеризуется сильным чувством коллективизма, что проявляется как в семейных отношениях, так и в общественной жизни. Этот коллективистский подход стал основой для формирования социальных структур и иерархий, отражаясь в китайском обществе через принцип «сверху вниз».

Более того, уникальный китайский национальный этос также включает в себя дисциплинированность, трудолюбие и стремление к общественному согласию. Эти добродетели, укорененные в культуре, играют ключевую роль в формировании и поддержании гармонии в обществе.

Несмотря на изменения, которые происходили в течение истории, и на воздействие внешних факторов, таких как географическая изоляция или влияние других цивилизаций, китайская культура сохраняет свою уникальность и неповторимость. Это проявляется не только во внутренних политических структурах, но и в международных отношениях, где Китай продолжает играть ключевую роль как держава с многовековой историей и богатым культурным наследием.

Таким образом, изучение китайской политической культуры представляет собой глубокое исследование не только уникальных аспектов китайской истории и культуры, но и их влияния на современное мировое сообщество. Важно продолжать анализировать эти аспекты, чтобы лучше понять современную роль Китая в мировой политике и культуре, а также для развития более глубоких и взаимовыгодных отношений между Китаем и другими нациями.

Библиография

1. Альчиханова, В. Е. Экономическая мощь Китая или Китай как пример экономического роста / В. Е. Альчиханова // НАУКА: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ: Международная научно-практическая конференция, Уфа, 20 мая 2015 года / Ответственный редактор Сукиасян А. А.. Том 1. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Аэтерна", 2015. – С. 9-11.
2. Анохина В.В. Культурные традиции и парадоксы модернизации современного Китая // Вестник БДУ. Сер. 3. 2009. №1. С. 48–58.
3. Ефименко, Н. А. Российская история в зеркале политической ситуации в Китае в 50-х гг. XX века (на материале школьных учебников по истории) / Н. А. Ефименко // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 3. – С. 151-164.
4. Кычанов Е.И. «Ли» и право // Этика и ритуал в традиционном Китае: сборник статей. М.: Наука, 1988. С. 299–308.
5. Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе / пер. с англ. О.Ю. Артемовой. М.: Восточная литература РАН, 2001. 304 с.
6. Кобзев А.И. Ли // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т.: Вост. лит., 2006. Т. 1: Философия. С. 297–299.
7. Кудрявцева, Н. А. Дуализм как форма культуры: морфологический анализ культуры современного Китая (по материалам журнала "Китай") / Н. А. Кудрявцева // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – 2016. – № 26. – С. 151-152.
8. Пшеничникова, С. Н. Факторный количественно-качественный анализ динамики ВВП России и Китая (эконометрическая модель Китая и общие выводы) / С. Н. Пшеничникова, Е. С. Наумова // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2023. – № 6-1(144). – С. 12-18.
9. Суй В. Особенности политической культуры Китая // Общество. Среда. Развитие. 2016. № 3. С. 57–62.
10. Хуэйцин, Ч. Образ Китая в комментариях к новостям о Китае (на материалах портала Рамблер) / Ч. Хуэйцин // Медиалингвистика. – 2014. – № 2(5). – С. 82-94.
11. Цзиньтао Х. Доклад на XVII Всекитайском съезде КПК [электронный ресурс] URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/index.html> Дата обращения: 18.06.2023.
12. Шульга, П. И. К вопросу о вооружении кочевников Монголии и сопредельных территорий Китая в VII-VI вв. до н. э. / П. И. Шульга, Д. П. Шульга // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 40-45.
13. Bondarenko, E. V. Cultural differences between the North and South of China - the basis for explaining the linguistic diversity of the country / E. V. Bondarenko, Qi. Wang // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. – 2021. – Vol. 7, No. 1. – P. 26-32.
14. Yu, F. The art of image worship in China of the 17th century / F. Yu // Voprosy Istorii. – 2022. – No. 10-2. – P. 266-279.
15. Zhang, N. Overview of the development of China's sports fitness and leisure industry from the perspective of "Healthy China" / N. Zhang // Voprosy Istorii. – 2023. – No. 2-2. – P. 280-287.
16. Wang Qian. Inspiration, strange phenomena and visions: The path of the "Mandate of Heaven" myth to construct the narrative of royal power[J]. Journal of Anhui University (Philosophy and Social Sciences Edition) 王倩. 感生、异相与异象: «天命»神话建构王权叙事的路径[J]. 安徽大学学报(哲学社会科学版)

The Influence of Traditions on the Political Culture of the People's Republic of China

Wang Jiehan

Graduate Student,
Department of Regional Studies, Lomonosov Moscow State University,
119991, 1/13, Leninskie Gory str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: wjie8160@gmail.com

Wang Jiehan

Abstract

The article delves into how the cultural and philosophical underpinnings of Chinese civilization have shaped its political structure and internal values. It explores the distinct approach to politics within Chinese culture, emphasizing its moral dimensions and the precedence given to collective well-being over individual interests. Furthermore, it traces the historical evolution of political governance in China, from Legalism and Confucianism to contemporary trends. Special focus is placed on the concept of the "Central Kingdom" and its impact on Chinese self-identity and international policies. Additionally, it examines social hierarchy and spiritual values, such as discipline, hard work, and harmony, which form the core of the Chinese national ethos. The article provides an analysis of how Chinese political culture has evolved and its implications for modern society and international relations.

For citation

Wang Jiehan (2024) Vliyanie traditsii na politicheskuyu kulturu KNR [The Influence of Traditions on the Political Culture of the People's Republic of China]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 14 (4A), pp. 286-294.

Keywords

People's Republic of China, power, traditional culture, political culture.

References

1. Alchikhanova, V. E. Economic Power of China or China as an Example of Economic Growth / V. E. Alchikhanova // SCIENCE: PAST, PRESENT, FUTURE: International Scientific and Practical Conference, Ufa, May 20, 2015 / Editor-in-Chief Sukiasyan A. A.. Volume 1. – Ufa: Limited Liability Company "Aeterna", 2015. – P. 9-11.
2. Anokhina, V. V. Cultural Traditions and Paradoxes of Modernization of Contemporary China // Bulletin of BDU. Ser. 3. 2009. No.1. P. 48–58.
3. Efimenko, N. A. Russian History in the Context of the Political Situation in China in the 1950s (based on school history textbooks) / N. A. Efimenko // Historical Journal: Scientific Research. – 2023. – No. 3. – P. 151-164.
4. Kychanov, E. I. "Li" and Law // Ethics and Ritual in Traditional China: Collected Articles. Moscow: Science, 1988. P. 299–308.
5. Radcliffe-Brown, A. R. Structure and Function in Primitive Society / transl. by O. Yu. Artemova. Moscow: Eastern Literature of RAS, 2001. 304 p.
6. Kobzev, A. I. Li // Spiritual Culture of China: Encyclopedia: in 5 vol.: Eastern Literature, 2006. Vol. 1: Philosophy. P. 297–299.
7. Kudryavtseva, N. A. Dualism as a Cultural Form: Morphological Analysis of Contemporary Chinese Culture (based on materials from the "China" journal) / N. A. Kudryavtseva // Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University. – 2016. – No. 26. – P. 151-152.
8. Pshenichnikova, S. N. Factor Quantitative-Qualitative Analysis of the Dynamics of GDP of Russia and China (Econometric Model of China and General Conclusions) / S. N. Pshenichnikova, E. S. Naumova // Proceedings of St. Petersburg State Economic University. – 2023. – No. 6-1(144). – P. 12-18.
9. Xue, W. Features of the Political Culture of China // Society. Environment. Development. 2016. No. 3. P. 57–62.
10. Huaiqing, C. Image of China in Comments on News about China (based on materials from the Rambler portal) / C. Huaiqing // Medialinguistics. – 2014. – No. 2(5). – P. 82-94.
11. Jintao, H. Report at the 17th National Congress of the CPC [electronic resource] URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/index.html> Accessed: 18.06.2023.
12. Shulga, P. I. On the Issue of the Armament of Mongolian Nomads and Adjacent Territories of China in the 7th-6th centuries BC / P. I. Shulga, D. P. Shulga // Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology. – 2018. – Vol. 17, No. 4. – P. 40-45.
13. Bondarenko, E. V. Cultural Differences between the North and South of China - the Basis for Explaining the Linguistic Diversity of the Country / E. V. Bondarenko, Qi. Wang // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. – 2021. – Vol. 7, No. 1. – P. 26-32.

14. Yu, F. The Art of Image Worship in 17th Century China / F. Yu // Questions of History. – 2022. – No. 10-2. – P. 266-279.
15. Zhang, N. Overview of the Development of China's Sports Fitness and Leisure Industry from the Perspective of "Healthy China" / N. Zhang // Questions of History. – 2023. – No. 2-2. – P. 280-287.
16. Wang, Q. Sensitivity, Anomalousness, and Anomalies: the Myth of "Heavenly Mandate" Constructs the Narrative of Royal Power [J]. Journal of Anhui University (Philosophy and Social Sciences Edition).